

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ШЕСТАЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ
НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1998

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ТИМЕРЕВСКИХ КУРГАНОВ НА ОСНОВЕ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Проблема датирования является одной из важнейших для раннесредневековых древнерусских погребальных памятников. От ее решения, основанного на надежных материалах, зависит во многом правильность этнических и социальных характеристик для отдельных памятников, а значит, и общая оценка исторических процессов, протекавших на Руси в период становления государственности и народности.

Безусловно, одним из самых достоверных хронологических индикаторов являются нумизматические находки, входящие в состав погребального инвентаря. И в данном случае речь идет о куфических монетах, часто встречающихся в средневековых курганных могильниках лесной зоны Восточной Европы.

В работе рассмотрен вопрос о достоверности хронологических определений на основе находок восточных монет (на примере материалов Тимеревского курганного могильника, расположенного близ г. Ярославля).

Этот некрополь функционировал в течение полутора-двух столетий, начиная с середины IX в., и практически весь период его существования сопровождался куфическими монетами.

Одним из наиболее ранних погребальных комплексов, достаточно достоверно датированных, является курган № 95.

Основное погребение, совершенное по обряду трупосожжения на месте, дошло до нас в неповрежденном виде, “чистота” комплекса облегчает его датирование.

В состав инвентаря входили три арабские монеты, чеканенные, по определению И. Г. Добровольского, во второй половине VIII в. Уже эти находки являются опорными в датировании в целом захоронения, но в данном погребении это лишь один из хронологических индикаторов, и мы имеем возможность определить время захоронения по комплексу всего инвентаря.

Дату комплекса определяют ажурные биконические серебряные бусы (IX в.); односторонний костяной гребень с орнаментом в виде плетенки и меандра на накладке, который по определению О. И. Давидан, относится к ранним экземплярам – IX в.; бронзовая скорлупообразная фибула (IX в.). Таким образом, весь комплекс находок говорит в пользу того, что

данное погребение вполне возможно датировать IX столетием, это подтверждают найденные в некрополе монеты.

Позднее, в X столетии, сооружен курган № 284, содержащий захоронение по обряду ингумации, в камере погребен мужчина в сидячем положении. Датированными здесь являются бронзовая фибула (X – начало XI в.), глазчатая бусина (X – начало XI в., тип IV по З. А. Львовой). Для определения хронологии этого комплекса первостепенное значение имеет находка находившихся в кошельке саманидских дирхамов, один из них чеканен в 918/19 г. Датировка этих трех находок (монеты, бусина, фибула) позволяет отнести весь комплекс к середине X в., а собственно обряд погребения и прочие вещи из состава инвентаря этой дате не противоречат.

Чрезвычайно богатый набор инвентаря представлен в мужском погребении в камере из кургана № 100 Тимеревского курганного могильника. Это меч, наконечники втульчатого копья и двух стрел, детали колчана, конская упряжь, золотой перстень, весы с арабской надписью, гирька. Весьма примечательна находка кошелька с семью саманидскими монетами (963–976 г.). По обоснованному заключению М. В. Фехнер и С. А. Яниной, младшая монета (976 г.) является достаточно твердым основанием для датировки этого погребального комплекса 970–980-ми гг. В пользу этого говорит также тот факт, что среди названных монет нет экземпляров вторичного использования в виде украшений или амулетов. Таким образом, монеты попали в погребение практически сразу после чеканки самой младшей и поступления на Русь.

Из вышеперечисленных фактов видно, что куфические монеты представлены в погребениях Тимеревского могильника (совершенных по обряду трупосожжения и труположения) практически весь период его существования, и они вполне могут служить надежными “реперами” в хронологических определениях. Это соответствует общей картине поступления восточного серебра на Русь. В перечисленных случаях датировки погребений определяются не только по монетам, но и по всему комплексу находок. Только в этом случае они бесспорны. В ситуациях, когда монеты являются единственными хронологическими индикаторами, все равно возможно определение времени совершения захоронений. Но тогда необходимо учитывать обряд погребения, архитектурные особенности насыпей, их топографическое расположение в могильнике и другие признаки. Безусловно, при вторичном использовании монет (амулеты, украшения) к датировкам комплексов, в состав которых они входят, следует подходить с большой осторожностью.

Ясно, что здесь не может быть какого-то общего подхода, и каждый конкретный случай необходимо рассматривать индивидуально, хотя в

целом монеты (в частности, куфические) имеют большое значение для хронологических изысканий, результаты которых важны для этносоциальных определений.

Б. Д. Кочнев, А. Х. Атаходжаев (Самарканд)

КЛАД МЕДНЫХ МОНЕТ (ФЕЛЬСОВ) X–XI вв. ИЗ УЗБЕКИСТАНА*

В 1997 г. в г. Заамин Джизакской обл. был случайно найден клад куфических фельсов. В количестве 121 экз. (целые и фрагментированные кружки плюс несколько обломков) он был доставлен археологом А. А. Грициной авторам настоящего сообщения для определения. Ранняя монета – не позже 331/943 г., поздняя – 420/1029 г. Династии: Саманиды – 14, Саманиды (?) – 1, Газнавиды – 1, Караханиды – 79, Караханиды (?) – 1; не атрибутируемые фельсы – 26 экз. Из этих последних 4 монеты почти полностью стертые, 14 целых кружков и 5 фрагментов производят впечатление вообще нечеканенных, – они покрыты типичными для фельсов IX–XII вв. множественными бороздками или насечками (рисками), еще 3 кружка либо тоже не чеканены, либо совершенно стертые.

Саманиды: Наср II ибн Ахмад (303–331/914–943) – 1 экз., Нух ибн Наср (331–343/943–954) – 2, Мансур I ибн Нух (350–365/961–976) – 1, Нух ибн Мансур (365–387/975–997) – 9, Абдалмалик II ибн Нух (387–389/997–999) – 1, правитель ? – 1. Монетные дворы и даты: Бухара 336/947–948 г. (1 экз.), 337/948–949 г. (1), 352/963 г. (1), 366/976–977 г. (1), 377/987–988 г. (1), 365–387/975–997 г. (2), 389/999 г. (1); Испиджаб 385/995 или 386/996 г. (1); Самарканд 382/992–93 г. (1); Фергана (331–339/943–951) (1); город ? год ? (1). Из числа саманидских монет большую редкость составляет неизданный фельс с лакабом (почетным прозвищем) Амид ад-Даула в центре поля лицевой стороны и утраченными выпускными сведениями, которые восстанавливаются (как Самарканд 382/992–93 г.) по типовым признакам. Носителем лакаба Амид ад-Даула был саманидский полководец Фаик – один из самых могущественных сановников второй половины X в.

Газнавиды: Махмуд ибн Себук-тегин (388–421/998–1030) – 1 экз. Выпускные сведения не сохранились.

Караханиды: Ахмад ибн Али (ум. 408/1017–18 г.), Наср ибн Али

(ум. 403/1012 г.), Мансур ибн Али (ум. 415/1024–25 г.), Мухаммад ибн Али (ум. 415/1024–25 г.), Мухаммад ибн Наср, Мухаммад ибн Хасан, Али ибн Хасан, Йусуф ибн Хасан/Харун и многие другие правители. Монетные дворы и даты: Ахсикет 402/1011–12 г. (1 экз.), 412/1021–22 г. (1); Бухара 399/1008–09 г. (?) (1), 406/1015–16 г. (1), 411/1020–21 г. (3); 411/1020–21 г. (?) (1), 412/1021–22 г. (3), 413/1022–23 г. (1), 414/1023–24 г. (1), 415/1024–25 г. (1), 416/1025–26 г. (3); Илак 398/1007–08 г. (1), 408/1017–18 г. (1); Иштыхан 405/1014–15 г. (1); Иштыхан (?) 405/1014–15 г. (?) (1); Кушани 415/1024–25 г. (1); Самарканд 403/1012–13 г. (2), 404/1013–14 г. (1), 406/1015–16 г. (1), 407/1016–17 г. (1), 409/1018–19 г. (4), 412/1021–22 г. (3), 415/1024–25 г. (4), 419/1028 г. (4), 420/1029 г. (1), год (?) (1); Могд 400/1009–10 г. (1), 412/1021–22 г. (3), 411/1020–21 или 412/1021–22 г. (1), 418/1027–28 г. (1); Узгенд 416/1025–26 г. (1); Узгенд и Куба 416/1025–26 г. (1); Узгенд (?) 417/1026–27 г. (?) (1); Уструшана 403/1012–13 г. (1), 405/1014–15 г. (1), 408/1017–18 г. (?) (1); Фергана 398/1007–08 г. (1), 410/1019–20 г. (2), 411/1020–21 г. (2), 412/1021–22 г. (2); Фергана (?) 41[?] /10 (?) (1); Фергана и Хшикет 391/1000–01 г. (1); Харашкет 403/1012–13 г. (1); Ходженд 384/994–95 г. (1); Шаш 395/1004–05 г. (1), 403/1012–13 г. (2); город ? год ? (1). Кроме того, 6 экз. перечеканены: фельс Бухары 389/999 г. (?), фельс Самарканда (?) неизвестного года и 3 фельса с утраченными выпускными сведениями перебиты штемпелями монет Иштыхана 405/1014–15 г.; фельс Иштыхана 405/1014–15 г. перебит штемпелями монет Самарканда 410/1019–20 г.

По областям караханидские фельсы распределяются так: Шаш с Илаком – 6, Фергана – 15, Уструшана – 3, Согд – 54 экз. Таким образом, хотя клад найден на территории Уструшаны, абсолютно преобладает продукция монетных дворов Согда. Такое соотношение объясняется прежде всего разной в разных областях интенсивностью монетного производства.

Чрезвычайно интересен неизданный фельс Харашкета 403/1012–13 г.: до сих пор были известны только харашкетские фельсы 405/1014–15 г. и 420/1029 г.

Трудно объяснить совмещение на лицевой стороне фельса 416/1025–26 г. названий двух денежных дворов Ферганской долины – Кубы (поле) и Узгенда (круговая легенда). Такое сочетание объясняется, возможно, тем, что из Узгенда, столицы Ферганы, в другие ферганские города рассылались штемпеля или некие “шаблоны”. Среди прочих караханидских монет немало редких и уникальных.

На территории Средней Азии было найдено шесть (или семь) кладов, включающих наряду с караханидскими также саманидские фельсы. Клад из Заамина является седьмым (или восьмым), а его верхняя дата (420/

*Саманидская часть клада изучена А. Х. Атаходжаевым, остальное – Б. Д. Кочневым.